

Пятница, 17 Сентября 1910 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№ 1174.

Кругъ завершѣнъ!

Сегодня вечеромъ Александринскій театръ можетъ съ гордостью воскликнуть:

— Я исчерпалъ Чехова!

Сегодня ставятъ въ 1-й разъ «Три сестры» и... конецъ! Даже какъ то жалко становится: театръ подошелъ къ очень интересной задачѣ, и вотъ—завершеніе круга. Я думаю, они всѣ тамъ должны испытывать чувство подобное тому, какое возникаетъ у васъ послѣ прочтенія выдающагося созданія литературы: какъ жаль, что весь возбужденный имъ интересъ уже въ прошломъ, и какъ обидно, что впереди такъ мало осталось: еще два—три романа, и вы познакомились съ писателемъ въ полномъ его объемѣ.

А недовольные брюзжать:

— Такъ то оно такъ, но все же согласитесь немного поздно это.

— Что поздно?

— Да вотъ, завершеніе круга... Черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти Чехова. Кабы при жизни оно бы много лучше было.

Что и говорить, живи сейчасъ Чеховъ, это безмѣрно украсило бы дѣло. Но кто же виноватъ, что Чеховъ не дожилъ, преждевременно сошелъ въ могилу? Никто кромѣ судьбы. А ввести его пьесы раньше въ репертуаръ образцоваго театра было невозможно по разнымъ причинамъ. Изъ нихъ одна какъ то никому не приходитъ въ голову. Совершенно упустили изъ виду ту пору въ дѣятельности Московскаго художественнаго театра, когда онъ усиленно былъ занятъ именно Чеховымъ, когда отъ Чехова пошла и вся его слава, когда пьесы Чехова получили на сценѣ этого театра такое полное художественное воплощеніе, что ни о какой конкуренціи съ нимъ даже и мечтать было невозможно. Нужно было дать поостыть восторгамъ и тѣмъ временемъ просто подготовиться, найти у себя силы для исполненія Чеховскихъ пьесъ. Вѣдь если провинціальныя сцены ничтоже сумняшея возвѣщали у себя на афишахъ: „постановка по образцу Московскаго художественнаго театра“, и тѣмъ заманивали публику, то Александринскій театръ не могъ поступить подобнымъ же образомъ. Его достоинство настоятельно требовало представить Чеховскія пьесы въ освѣщеніи, отличномъ отъ даннаго Художественнымъ театромъ, найти какую то другую точку зрѣнія, вообще показать совершенно самостоятельную работу, или отложить затѣю въ сторону. Сопоставленіе такихъ двухъ фактовъ, какъ провалъ „Чайки“ на Александринской сценѣ и огромный ея успѣхъ, когда за нее взялся Московскій художественный театръ, заставляло призадуматься. Почему бы это? Цѣлый рядъ талантливейшихъ артистовъ, создающихъ изумительные по своему художественному рисунку образы, и вдругъ по отношенію къ Чехову... нашла коса на камень! Кажется, что это абсурдъ. На самомъ дѣлѣ все объясняется крайне просто. Для Чехова, давашаго пьесы, рѣзко отличавшіяся по своему тону отъ всего, что до него появлялось на сценѣ, нужны были другіе приемы исполненія, другая манера, овладѣть ко-

торой сразу было чрезвычайно трудно. Манера всякаго художника-творца, будь—онъ живописецъ, скульпторъ или актеръ, есть первооснова его творческой способности, по ней опредѣляется индивидуальность, и она неизмѣняема. Артистъ на сценѣ можетъ перевоплощаться, сливаться вполне съ изображаемымъ имъ лицомъ, но все это непременно будетъ носить тотъ характеръ, какимъ отличается творческая способность артиста. Если его манера заключается въ широкихъ, выпуклыхъ, сочныхъ мазкахъ, они будутъ вездѣ въ его исполненіи; если напротивъ актеръ склоненъ къ тонкой филигранной работѣ съ очень интимными деталями, это опять таки будетъ чувствоваться во всей его игрѣ. У Чехова нѣтъ широкихъ мазковъ, его письмо необычайно тонко и требуетъ такой же тонкости и интимности отъ актеровъ, если хотѣть, чтобы его пьесы получили на сценѣ дѣйствительно то освѣщеніе, какое имъ нужно. И чтобы такія произведенія Чехова, какъ „Вишневый садъ“, „Дядя Ваня“, или „Три сестры“ могли быть представлены на Александринской сценѣ съ подобающимъ достоинствомъ, чтобы онѣ способны были заинтересовать публику, чтобы онѣ наконецъ нашли откликъ въ сердцахъ актеровъ, нужно было отыскать, что называется, въ самой актерской подоплѣкѣ такія струны, которыя зазвучали бы согласно со струнами Чеховской музыки. Безъ этого вся работа оказалась бы совершенно безплодной. Она можетъ быть болѣе удачна или менѣе, но во всякомъ случаѣ теперь она вполне въ средствахъ Александринскаго театра. И это составляетъ его большую художественную побѣду, особенно цѣнную потому, что здѣсь—побѣда надъ самимъ собой, вопреки извѣстной рутинѣ, извѣстной традиціи. А насколько это трудно—найти у себя подходящіе тона для правильнаго воспроизведенія пьесы, доказываетъ примѣръ хотя бы того же Художественнаго театра, который не въ силахъ сдвинуться съ пробитой имъ колеи. Театръ вдругъ объявляетъ въ этомъ сезонѣ, что ему рѣшительно нечего ставить, а потому онъ займется... передѣлкой „Братьевъ Карамазовыхъ“. Позвольте! Нечего ставить? Это

при необъятности міровой литературы? Ну, возьмите хотя бы... Шиллера, котораго до сихъ поръ вы не трогали. Невозможно, ибо театръ самъ сознаетъ, что онъ не въ силахъ будетъ найти у себя тона, при помощи котораго онъ способенъ былъ бы воссоздать на сценѣ романтизмъ.

Зигфридъ.